

ВВЕДЕНИЕ
в прикладную
ПСИХОЛОГИЮ
ВНИМАНИЯ

Александр Шевцов

**Введение в прикладную
психологию внимания**

«Издательство Роща»

2013-2019

Шевцов А. А.

Введение в прикладную психологию внимания / А. А. Шевцов —
«Издательство Роцца», 2013-2019

ISBN 978-5-9908243-4-8

Педагогика и педагогическая психология лежат как бы на поверхности нашего внимания, поскольку входили тогда, когда общая культура уже была привита нам. Поэтому начать надо с них, как с верхних слоев сознания. После этого можно будет подумать над тем, как же воспитывал внимание наш народ. Просто взять и взглядеться в собственную жизнь, а потом сличить это с теми записями, что в изобилии сохранила нам этнография, – со сказками, быличками, притчами, старинами, народной песней... После такого исследования станет возможно описание тех полей прикладной работы, которые должны обязательно лечь в основание научной прикладной психологии внимания. Литература предназначена к прочтению лицам, старше 12 лет.

ISBN 978-5-9908243-4-8

© Шевцов А. А., 2013-2019
© Издательство Роцца, 2013-2019

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Часть первая. Педагогическое внимание	10
Раздел первый. Педагогическая антропология Ушинского	11
Глава 1. Процесс внимания	11
Глава 2. Два существа	14
Глава 3. Внимание как бодрствование	16
Глава 4. Внешняя сторона внимания	17
Глава 5. Впечатления или следы впечатлений?	19
Глава 6. Внутренняя сторона внимания	21
Глава 7. Целое души	22
Глава 8. Образование внимания	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Александрович Шевцов
Введение в прикладную
психологию внимания

© Шевцов А.А., 2013–2019.

© Издательство «Роша», оформление, 2019.

Предисловие

Психологи довольно давно занимаются вниманием и ведут историю психологии внимания чуть не от Блаженного Августина. При этом чем ближе к настоящему, тем беднее и уже ведется это исследование. И если еще век назад внимание могли изучать в рамках психологии сознания, то теперь его понимают либо физиологически, либо вообще избегают...

О том, чтобы из академической теории вывести прикладную психологию внимания, не может быть и речи. Фундаментальная теория современной психологии возможности для прикладной работы не дает. Но теория, если быть точным, в древнегреческом обозначала всего лишь созерцание. Это значит, что наука строится на описании некой действительности, добытом с помощью созерцания, то есть наблюдения и эксперимента.

Если это верно, то переходу от теории к прикладной работе ничто не должно помешать. Однако такого перехода от фундаментальной теории психологии к прикладной работе все нет и нет...

Я постарался рассмотреть те теоретические работы, что были созданы нашими психологами в отношении внимания, в своей предыдущей книге – «Теории внимания». Безусловно, это было невозможно без большего или меньшего знакомства с основными зарубежными работами, поскольку наши психологи весьма зависимы в своей теоретической мысли и часто вторичны.

Общие выводы неутешительны: похоже, действительной теории внимания так и не существует. Психология, не только наша, все еще не определилась с тем, что такое внимание, чему оно принадлежит, какова его природа и как его изучать. При этом заметна, как говорится, тенденция: из поколения в поколение психологи обедняют предмет своего исследования, сужая его. Очевидно, это связано с попыткой упростить задачу.

Но, похоже, как раз в этом случае задача решается не упрощением, а усложнением. Иначе говоря, упрощать можно лишь шаги, но не предмет сам по себе. Внимание, понятное естественнонаучно, не укладывается в прокрустово ложе ни психофизиологии, ни психологии сознания, тем более если под сознанием понимаются лишь его содержания.

Очень похоже, что для понимания внимания нужно не только смотреть шире на самое внимание, но и на всю психологию. И психофизиология должна быть расширена от науки о теле до науки о том, как душа воплощается в тело и как она им управляет. И психология сознания должна рассматриваться как среда, в которой душа являет себя.

В сущности, тот уровень психологии, который достигнут к сегодняшнему дню, не может рассматриваться иначе, чем в рамках знаменитой метафоры Платона о пещере: психология описала лишь тени, отбрасываемые на стены. Их принято называть душевными явлениями. Но то, что эти тени отбрасывает, то есть являет себя с их помощью, осталось за рамками научного изучения.

В этом смысле научная психология слепа, но слепота эта искусственная и даже злонамеренная. Психологи настолько хотят уподобиться мудрецам, что искусственно держат себя в темноте, предпочитая щупать слона по частям, лишь бы щупать долго и сытно. И, главное, не впускать свет в свой сарайчик.

Возможно, это и верно, поскольку тогда может открыться, что король голый, а никакой психологии нет вообще!..

Я исчерпал свои возможности теоретического описания внимания. Дальнейший путь исследования внимания ведет меня через прикладные исследования, в ходе которых должно выявиться множество эмпирических фактов, которые потребуют осмысления. А с ним придет

и разворачивание теории. Психология – точная наука, но чтобы ею быть, она должна быть наукой о душе и описывать действительность.

Однако и академическая психология знала прикладную работу со вниманием. И, как ни странно, несмотря на то что создать общепризнанную теорию и даже определение внимания не удалось, существует немало работ, посвященных прикладной работе со вниманием. Работы эти были созданы, прежде всего, в педагогике. Хотя были работы, связанные с трудом и военным делом.

К тому же не надо забывать, что и всем знакомая йога в действительности строится отнюдь не на телесных позах или дыхательных упражнениях. Суть йоги – управление вниманием, что как-то плохо осознано и практиками, и теоретиками йоги, хотя звучит уже в классических трактатах о йоге. Впрочем, это требует особого исследования.

Вот эти источники – педагогическую психологию и йогу – я и намерен изучить прежде следующего шага к полноценной теории внимания.

В этой книге я начну с педагогики, а затем, опираясь на понятное, я бы хотел углубиться в прикладную работу, чтобы описать некоторые приемы и очевидности работы со вниманием. Я надеюсь, благодаря этому удастся выявить определенные свойства и закономерности этого внимания, что позволит продвинуться в его понимании.

Введение

Жизнь, простое самонаблюдение и любая попытка исследования показывают: внимание – это волшебная палочка, способная изменить человека. Очевидно, никакие достижения невозможны без овладения собственным вниманием. А все великие школы самосовершенствования, начиная с йоги и античной философии, говорят об управлении именно им или с его помощью.

Иногда они говорят это прямо, иногда так, что это может рассмотреть только тот, кто хотел бы чтение превратить в прикладную философию жизни. Но говорят все и на протяжении всех тех веков, пока философия не была превращена в служанку теологии и не превратилась в способ лишь говорить о мудрости других...

Это первая очевидность, которую стоит принять.

Вторая: овладеть вниманием очень просто. Более того, мы всегда им управляем и живы только за счет того, что управляем вниманием. Оно – важнейшее орудие выживания, и оно нам дано. Причем владеем мы им вовсе не плохо, раз живем, и живем хорошо. Однако владеть нужно лучше! Без этого волшебная палочка не заработает в полную силу.

И тут проявляется третья очевидность: нет ничего сложнее в жизни человека, чем овладеть собственным вниманием. И это не я им управляю, чтобы обеспечить выживание, это оно обеспечивает мое выживание само. В крайнем случае, нечто во мне, например разум или ум, управляют им, чтобы обеспечить мое выживание. Но управляют так, что мне очень трудно в это вмешаться...

Прежде чем овладеть собственным вниманием, надо понять, что это такое и как оно работает. Для этого придется овладеть искусством самонаблюдения, что вовсе не так уж просто, поскольку самонаблюдение было изгнано из нашей науки и даже объявлено вместе с душой врагом научной психологии.

Тем не менее человек, собирающийся стать успешным в любом деле, должен стать хозяином собственного внимания, а для этого – владеть культурой самонаблюдения и созерцания.

Но это усилие не стоит делать исходным – сначала надо обогатить себя знаниями о том, как люди осваивали искусство управления вниманием. А они начали эту битву очень, очень давно. Внимание весьма непростой противник, раз нам не удалось создать однозначно простой школы, воспитывающей в нас с детства эту способность.

При этом наблюдательный человек, просто взглядевшись в быт, особенно народный, обнаружит там целые залежи знаний о том, как превратить дитя в человека и не дать ему пойти иным путем, скажем, превращаясь в зверя. А это очень возможный выбор и путь, чему свидетельство – многочисленные Тарзаны и Маугли. Человечество знает, как сделать тебя человеком и что надо делать, чтобы ты стал Человеком Разумным – Гомо сапиенс.

Точно так же оно знает, как сделать тебя личностью, то есть человеком общественным. И человек играющий, Гомо люденс, каким мы приходим в этот мир, становится человеком социальным. Знает оно, и как использовать для этого искусственные ценности, вроде денег, которые постепенно вытесняют то, что было высшими ценностями вначале. Ту же душу...

И точно так же в народных запасниках хранится бесконечное количество знаний о том, как сделать нас успешными, для чего надо уметь управлять вниманием, а значит, думать не вообще, а прицельно, то есть именно о том, что нужно, чтобы состояться и достичь общественно значимых целей.

Но рассмотреть эту самую тайную из самых явных школ можно лишь культурно-историческим способом, то есть освободив свое сознание от лишних знаний, образов и склонности узнавать в видимом нечто свое. Надо научиться просто видеть то, что есть. Это задача. Для человека общественного это непросто.

Для этого придется описать и освоить те слои собственного сознания, в которых хранится искусственная культура внимания, созданная за последние века мыслящими людьми. В первую очередь, это педагогика, которая всегда уделяла управлению вниманием изрядное место в своей работе. Во вторую очередь, педагогическая психология, пытавшаяся понять, как лучше всего использовать внимание в педагогике.

Педагогика и педагогическая психология лежат как бы на поверхности нашего внимания, поскольку входили тогда, когда общая культура уже была привита нам. Поэтому начать надо с них, как с верхних слоев сознания.

После этого можно будет подумать над тем, как же воспитывал внимание наш народ. Просто взять и взглядеться в собственную жизнь, а потом сличить это с теми записями, что в изобилии сохранила нам этнография, – со сказками, быличками, притчами, старинами, народной песней...

После такого исследования станет возможно описание тех полей прикладной работы, которые должны обязательно лечь в основание научной прикладной психологии внимания.

Часть первая. Педагогическое внимание

До революции все было относительно здорово в нашей науке: была педагогика, была психология, медленно, но верно выделявшаяся из философии в самостоятельную науку. После революции психология превратилась в реактологию и попыталась стать частью физиологии. Это ей не удалось и слава богу, потому что означало бы полное уничтожение самостоятельной психологии.

Тем не менее в советское время психологи долгое время защищались по ведомству педагогики и были докторами педагогических наук по психологии. Как психологию затащило из философии в педагогику, известно лишь богу и советской власти... Сказать про это могу лишь то, что лучше наша психология от этого не стала.

Впрочем, педагогика добавляла психологии хоть какую-то прикладную направленность. По крайней мере, должна была добавлять. Я изучал педагогическую психологию в первой половине семидесятых годов прошлого века и уже плохо помню этот предмет, но могу поделиться общим ощущением: это был тоскливый ужас! Понять эту науку было нельзя, изучать невозможно, а заниматься ею не хотелось. Советские педопсихологи постарались сделать так, чтобы лишние в их хозяйство нос не совали...

Тем не менее у нашей педагогической психологии были и светлые времена. Это было тогда, когда эта наука развивалась без государственного давления, по зову души педагогов и психологов. Как наука она, безусловно, начиналась с трудов Ушинского.

Раздел первый. Педагогическая антропология Ушинского

Наш величайший педагог Константин Дмитриевич Ушинский (1824–1871) прожил недолгую жизнь. Его главный труд «Человек, как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии», который и заложил основы всей русской педагогики, так и не был завершен. С 1862 по 1867 год Ушинский жил в Швейцарии, где изучал постановку образования. Вернувшись в Россию, он с 1868 года успел написать два тома; третий остался незавершенным...

Эта книга содержала в себе не только педагогику, в ней было дано психологическое основание воспитательной работы. Исходя из того, что ученик не сосуд, который надо заполнить, а факел, который следует зажечь, Ушинский очень много ставил на то, чтобы разжечь самостоятельный интерес детей, научить их делать собственное усилие – кстати, усилие по собиранию и направлению внимания. Поэтому он писал книги для самостоятельного детского чтения – «Детский мир», «Родное слово».

Признание, которое труды Ушинского получили после смерти, огромно. Был ли он признан при жизни?.. Как бы там ни было, но Ушинский сегодня – признанный основатель «научной педагогики в России». Это заявление не вызовет возражений ни у одного педагога и ни у одного академического психолога, поскольку психология наша все советское время была жестко связана с педагогикой.

И, вероятно, все они подпишутся под словами П. В. Алексеева, который в словаре «Философы России» повторяет вслед за Михаилом Ярошевском о главном труде Ушинского:

«В этой книге, ставшей учебником для поколений русских педагогов, излагались прогрессивные представления о развитии целостной личности под решающим воздействием воспитания и обучения. Полагая, что нравственная детерминация, идущая от общих устоев жизни народа, есть решающая сила в построении специфически человеческого уровня деятельности нервной системы.

Ушинский искал пути естественно-научного обоснования педагогики».

До сих пор, обращаясь в Интернет с вопросом об Ушинском, вы получите примерно следующее:

«Опираясь на материалистическую гносеологию, достижения психологии и физиологии, У. раскрыл особенности умственного развития ребенка. Он исследовал психофизиологическую природу обучения, дал анализ психологических механизмов внимания, интереса, памяти, воображения, эмоций, воли, мышления, обосновал необходимость их учета и развития в процессе обучения».

Ушинский – материалист, демократ; его педагогика построена на психофизиологии нервной деятельности; из нее же выводятся им и «механизмы» внимания.

Кажется, все, кто пишет о нем, вплоть до самых маститых, либо не читали Ушинского, либо осознанно искажали его.

Глава 1. Процесс внимания

Итак, Ушинский не просто создал науку о человеке – антропологию – с точки зрения его воспитания, но и считается основателем естественнонаучного подхода в педагогике, построенного на знаниях о работе нервной системы. В сущности, его рассматривают как психофизиолога, поскольку к шестидесятым годам девятнадцатого века никакой другой естественнонаучной психологии просто не существовало.

И действительно, разговор о внимании он начинает в главе с названием «Переход от физиологии к психологии». Но глава эта открывает вторую часть первого тома книги «Человек как предмет воспитания» – собственно психологическую. А начиналось все его сочинение с

«Физиологической части», откуда и рождалось ощущение, что Ушинский строит свою психологию на физиологической основе.

И начинается этот разговор в завершающих абзацах главы, где Ушинский, отдав должное необходимости учитывать физиологию ученика, от нервной системы переходит к сознанию:

«Сознание проявляется в различных душевных проявлениях, каждому знакомых: в процессе внимания, памяти, воображения и рассудка, и мы станем теперь анализировать эти процессы один за другим. Мы начнем с процесса внимания, потому что без внимания впечатление, полученное нервной системой из внешнего мира не может перейти в ощущение» (Ушинский, с. 200).

Это высказывание не оставляет сомнений в том, что для Ушинского внимание есть проявление природы сознания. Безусловно, это не понять без определения того, что Ушинский понимает под сознанием. Завершенного определения сознания он не дает, но, думаю, не ошибусь, предположив, что его понятие о сознании в точности совпадало с тем, что правило в интроспективной психологии. Иными словами, сознание для Ушинского это – сознание.

А внимание – это та способность сознания, которая позволяет ему осознавать входящие впечатления.

Является ли внимание свойством или способностью сознания, для меня вопрос спорный, но вот то, что благодаря ему происходит осознание воспринятого, бесспорно. А это значит, что Ушинский даже если делает неверным один из частных выводов, строит свои рассуждения на наблюдении действительности.

Надо отметить, Ушинский пишет свой труд, постоянно разбирая других психологов, поэтому всем его главам предпосланы своего рода исторические очерки предмета. Часть его собственных мыслей есть отклики на рассуждения других ученых. В частности, главу «Процесс внимания» он пишет как разбор психофизиологических гипотез о том, как происходит восприятие.

«Бенеке ступшевыивает пробел между нервным впечатлением и душевным ощущением, говоря, что следы впечатлений, бессознательные в начале, накапливаясь мало по малу, делаются потом сознательными.

Но эта гипотеза прямо противоречит опыту, показывающему ежеминутно, что в душе нашей остаются следы только тех впечатлений внешнего мира, которые уже были нами сознаны.

Мало ли организм наш получает ежеминутно впечатлений, которые могут иметь на него даже самое разрушительное, физическое влияние; но которые, тем не менее, не оставляют никакого следа в нашей памяти, потому что мы их не сознали?» (Там же. С. 201).

Эти наблюдения очевидны. И по сути своей они есть не физиологическое обоснование психологии, а критика психо-физиологических попыток найти «нервные кирпичики», из которых строится душевная жизнь:

«Так же мало объясним мы себе переход впечатлений нервной системы в ощущения души, приняв фехнеровский термин психо-физических движений. Мы можем иметь понятие о движении физическом; но не можем иметь никакого о том, что такое психическое движение.

В том-то и вопрос, каким образом физическое движение нервов превращается в психическое ощущение; а слово психо-физический, ничего нам не объясняя, закрывает только прореху в наших знаниях» (Там же).

В сущности, Ушинский показывает, что физиология нервной деятельности есть наука гипотетическая, а во многом, как и у Сеченова, шарлатанская. Физиологи, в частности, Гельмгольц и его соратники, поклялись на крови, что объяснят всю душевную жизнь химическими и физическими движениями. И чтобы победить не стеснялись идти на подтасовки.

«Вебер, Гельмгольц и др. физиологи нервной системы определили довольно точно для различных чувств ту степень силы, за которую должно перейти нервное впечатление, чтобы

его возможно было сознавать (для осязания – степень веса; для зрения – величину предмета; для слуха – число колебаний струны в секунду).

Но дело в том, что перейдя в эту физическую ступень (порог – по выражению Вебера), впечатление, хотя и может быть сознанным, но не всегда сознается на самом деле: иногда мы его сознаем, а иногда нет» (Там же. С. 202).

Чрезвычайно точное наблюдение: все эти физиологические игры, построенные по принципу работы с веществом, должны были сделать психологическое исследование точным, поскольку убирают наблюдателя и передают дело приборам. Именно ради приборов и уменьшалось до размера «кирпичиков» то, что предполагалось мерить: чем проще какие-то телесные реакции, чем они ближе к произвольным движениям организма, тем труднее в них вмешаться человеку.

Но это было рискованное упражнение, потому что где-то пролегла граница, до которой явления еще были психологическими, а за которой они становились чистой физиологией, то есть реакциями биовещества. А значит, задача изгнания души все равно не решалась – как раз наоборот, сами физиологи выдавливали себя за рамки предмета психологии.

Поэтому физиологи изворачивались и не очень стыдились жертвовать истиной ради победы.

Тем не менее вопрос оставался: физиологически должен быть некий порог, который позволяет осознать впечатление, до этого бывшее слишком слабым. С точки зрения физики и физюса, то есть вещества тела, это выглядит очень естественным: глаз не может разглядеть света, если его количество не будет достаточным, чтобы зрительные клетки смогли его разглядеть. Тогда почему этот порог постоянно плавает?

«Это явление, известное под общим именем внимания и рассеянности, заставило Фехнера передвинуть вопрос подальше. Он признает, что недостаточно еще перехода силы впечатления за Веберовский порог, для того, чтобы впечатление могло сделаться действительным ощущением.

За этим порогом, впечатление только возбуждает психо-физическое движение (чего? эфира?), а это психо-физическое движение должно перейти в свою очередь за новый порог силы, чтобы стать сознательным, и когда количество этих психофизиологических вибраций в секунду достигнет определенного числа, тогда впечатление становится сознательным» (Там же.).

Возможно, эти проблемы психофизиологов девятнадцатого века уже не интересны современным физиологам. Американские психологи вообще не любят обращаться к истории своей науки, поскольку в их университетах давно преподают новые темы. Однако психология так и не стала прикладной, точной и действенной наукой. А это значит, что на те начальные вопросы все еще не найдены ответы. И бежать от них прочь – все равно что строить здание на гнилом фундаменте.

Эти вопросы должны быть отвечены, и ответить на них надо так, чтобы они стали общим местом в любом учебнике психологии. Поэтому я привожу последовательно все гипотезы европейское психофизиологии и все вопросы, которые задал к ним русский психолог:

«Но не есть ли это одна из самых обыкновенных уловок незнания? Если миллиона колебаний в секунду недостаточно, чтобы движение сделалось сознательным, то вот вам десять миллионов; а если мало десяти, то почему же не дать ста?»

Так внимание делается камнем преткновения для всякой психологической теории, старающейся объяснить физиологическим путем переход нервных движений в ощущения» (Там же).

Внимание делается камнем преткновения для всякой теории, пытающейся объяснить человека без души! И это еще ярче бросается в глаза, когда физиологически пытаются объяснить душу.

Глава 2. Два существа

Критика психофизиологии, произведенная Ушинским, в сущности, разрушительна. Но критиковать могут многие, при это далеко не всем есть, что сказать своего.

Что такое критика, если вдуматься? Это ведь не возможность в защищенном режиме сделать плохо своему собрату, уев его, где удастся. Чтобы критиковать другого исследователя, для начала надо увидеть то, что он пытается сказать. И это уже само по себе непростое действие, потому что видеть можно по-разному. Когда мы «видим» то, что нам показывают в кино, мы делаем не то же самое, что при чтении другого исследователя.

Увидеть то, что пишет ученый, – значит не просто принять его образы, но и соотнести их с действительностью. И тут начинаются сложности, ведь настоящий исследователь пишет о том, что до него еще никто не рассмотрел. Поэтому нам приходится часть исследования проделать вместе с ним, достроив свой образ мира.

Но образ мира должен быть точным, то есть соответствующим действительности, иначе мы не сможем на его основании действовать. Что, впрочем, тоже не совсем верно. Если мы хотим обманывать других, то мы можем использовать этот неточный образ мира, чтобы воздействовать на них. Это не совсем «действовать на основании образа мира», но это определенно какое-то действие ведущее к получению выгоды, то есть улучшению моей жизни.

Разница, если вдуматься, не такая уж тонкая: действовать самому на основании своего образа мира или продавать этот образ желающим обманываться. Но каким-то хитрым образом эту разницу видят далеко не все. И что любопытно, как раз ученые не очень хотят ее замечать. Поэтому вместо образа мира они расширяют Научную картину мира.

Любые картины мира – это не отражение мира в нашем сознании, а искусственные образования, рассказывающие о возможных мирах. Ярче всего это видно в фантастике и вообще в искусстве. Но на этом строится идеология политики, стратегия рекламы в экономике и строительство научного сообщества.

Настоящий профессиональный ученый отнюдь не искатель истины. Профессионал – это свой, который разделяет общие взгляды с сообществом таких же своих. Эти взгляды почти всегда неверны, но для этого придумано красивое научное имя – «гипотеза» и создано хитрое обоснование: научный поиск является процессом создания, выдвижения проверки гипотез. Таким образом гипотеза становится самой сутью науки, а с ней и ложность научных построений вливается в самое тело науки.

Истина же предполагается, но предполагается и то, что истина недостижима, возможно лишь приближение к ней. Поэтому, если взглядеться, то мы обнаруживаем исходную, можно сказать, догматическую ложь, введенную в самую ткань научного рассуждения как оправдание права и не надрываться из-за истины.

На языке девятнадцатого века философию науки можно было бы называть Оправданием лжи...

То, что мысль изреченная есть ложь, то есть не передает того, что ты думал, конечно, данность человеческого существования. И то, что нам не дано дать окончательных ответов на главные вопросы бытия, тоже. Но это не значит, что мы не должны стремиться к истине в каждом своем душевном движении. Психофизиологи стремились создать непротиворечивую картину человека, построенную на ложных допущениях.

Ушинский просто искал истину. Научный ее поиск предполагает исходное описание явления на основе наблюдений, а затем проверку его с помощью вопросов.

«Самое слово “внимание” показывает уже, что под ним понимается акт взывания сознанием тех или других впечатлений внешнего мира, и не трудно убедиться, что этот акт созна-

ния является необходимым условием превращения нервного впечатления в душевные ощущения.

Из огромного числа впечатлений внешнего мира, ежеминутно потрясающих наш нервный организм, мы ощущаем сравнительно весьма немногие; остальные же, делаясь физическими впечатлениями, не делаются психическими ощущениями.

Ухо наше открыто всегда; волны потрясенного звуками воздуха к нему прикасаются; составные части слухового аппарата дрожат; волны жидкости лабиринта струятся; погруженные в них концевые аппараты слухового нерва принимают эти движения; слуховой нерв несет их к мозговым центрам; все это совершается по неизбежным физическим законам; а между тем, если внимание наше чем-нибудь отвлечено, то мы не слышим звуков такой силы, что и малой доли ее было бы достаточно, чтобы расслышать эти звуки при малейшем внимании» (Ушинский. С. 203).

Это совершенно точное наблюдение, которое проделывал далеко не один Ушинский. Оно известно любому психологу и физиологу, но у кого-то оно вызывает желание задаться вопросами, а остальные не слышат!

Но ведь их слух и их глаза работают. Ведь они же пробежали глазами эти строки и все слова были восприняты и дошли до их «мозговых центров», так почему же вопросы не возникли?

«То есть, мы будем видеть, что нам хочется, хотя глаз наш, по законам оптики, будет отражать одновременно все элементы фигуры, всю фигуру. Не вправе ли мы вывести из этого, что глаз наш и мы – два существа различные, и что глаз наш не может видеть без нашего участия, без участия нашего внимания» (Там же.).

Никакой физиологической основы в психологии, никакой работы мозга! Если бы мы думали мозгом, мы не могли бы не понять прочитанного. Компьютер не имеет возможности выбора, выбор принадлежит мне.

Я не один, меня два: тот, что изучается физиологией, и тот, что должен бы изучаться психологией!

«Говорят, что в пылу битвы люди долго не чувствуют сильных, даже смертельных ран, и быстро слабеют или даже падают замертво, когда обратят внимание на текущую из них кровь.

Конечно, впечатления такого рода далеко перешли Веберовский порог сознания, и если бы душа наша, как утверждают материалисты, была тождественна с нервным организмом, то не было бы никакой причины не сделаться этим впечатлениям ощущениями» (Там же. С.204).

Одно мое существо может быть названо телом, другое – душой. Пока их пытаются изучать вместе, психология не становится ни точной, ни прикладной наукой. Это два существа, и это два различных предмета. Это говорю не я, это говорит основоположник естественнонаучной педагогики, построенной на изучении работы нервной системы...

«Все эти явления указывают нам на два факта: во-первых, на то, что производимое на нервы впечатление может быть совершенно полно и все же оставаться вне сознания; а во-вторых, что это впечатление может несколько мгновений оставаться в нервах во всей полноте своей, не переходя в ощущения.

Из этого уже выходит само собою, что впечатление и внимание два совершенно разные акта двух различных деятелей, и что эти акты могут сойтись и произвести ощущение; но могут и не сойтись, и тогда впечатление останется впечатлением, не дошедшим до сознания, или внимание, несмотря на всю свою напряженность, останется только вниманием, как бывает с нами тогда, когда мы напряженно прислушиваемся и приглядываемся, ничего не видя и не слыша» (Там же. С. 205).

Есть черта или граница. По одну ее сторону – все, что делают и воспринимают нервы. За этой чертой то существо, что обладает нервами, как под поверхностью воды, глядится в то

существо, что по другую сторону, и пытается до него докричаться. А это, что над водой, иногда обращает на него внимание...

Но иногда верхнее существо испытывает тревогу и начинает искать ее источник. Тогда оно посылает внимание во всех направлениях и ничего не обнаруживает. И неважно, что, собственно, оно могло обнаружить. Важно лишь то, что внимание – вполне самостоятельная вещь, которую можно ощущать, можно посылать или направлять.

И можно удерживать само по себе, без предмета приложения, без внешних вещей и даже без органов восприятия или нервной системы. Вероятно, йога обучала именно этому...

Глава 3. Внимание как бодрствование

Сейчас, в рамках когнитивной психологии, стало модным рассматривать внимание физиологически как работу тех участков мозга, которые отвечают за бодрствование. Соответственно, внимание рассматривается как вид бодрствования, а рассеянность и несобранность внимания сопоставляются со сном. Эта новая теория в действительности лишь хорошо забытая старая теория Фехнера.

Напомню, в своих рассуждениях Ушинский со всей определенностью приходит к выводу: «Из всех этих наблюдений мы считаем себя вправе вывести, что впечатление может быть совершенно полно, выполнить все физические условия, необходимые для того, чтобы сделаться ощущением, но не сделается им, пока не подействует на него какой-то другой агент; а именно сознание в своем акте внимания» (Ушинский, с.207).

Однако сомнения в физиологической гипотезе внимания на этом не исчерпываются.

«Не только появление внимания, но и его переход с одного предмета на другой необъясним по теории, не отделяющей сознание от нервов. Признав, что впечатление, переходя за веберовский порог силы, может не сделаться ощущением, Фехнер, как мы уже видели, кроме этого физического порога, принимает еще новый психо-физический: известную силу быстроты психо-физических движений, которой они должны достигнуть, чтобы сделаться сознательными» (Там же).

Если вдуматься, то физиологами девятнадцатого столетия было сделано точное описание изучаемого явления, из которого, однако, не были сделаны соответствующие действительности выводы.

Суть явления такова: человек воспринимает внешние явления, воспринимает он их с помощью телесных органов восприятия. И совершенно определенно эти органы восприятия обладают ограниченными возможностями: глаз человека видит хуже глаза орла, слух слабее, чем у кошки, нюх – чем у собаки.

Поэтому внешние раздражители должны обладать вполне определенной силой, чтобы быть воспринятыми, но не человеком, а его органом восприятия. Сколько бы я ни силился, но мой глаз просто не способен различить кратеры на луне. И это данность, которую нельзя не признавать и не учитывать. Но это данность физиологическая, характеризующая, так сказать, свойства вещества, из которого сделано мое тело.

При этом можно со всей определенностью признать: этот физиологический порог восприятия определяет наивысшие способности человека воспринимать. Мы можем достичь всей полноты восприятия, которую определила нам природа. Но выше ее шагнуть невозможно – наши органы восприятия просто не обладают такой возможностью.

Зато мы можем воспринимать хуже. И не в том смысле, что с годами наши слух зрение слабеют. Это всего лишь повышение естественного порога чувствительности. Но сколь бы высок ни был естественный порог, мы редко можем воспринимать на его уровне, зато почти всегда воспринимаем хуже. И это не физиологическая, не телесная неспособность. Тело к

этому не имеет никакого отношения. Физиология завершается на этом рубеже, а дальше начинается мир и предмет психологии.

Именно этот мир, как некий научный олимп, и пытались завоевать новые боги, именовавшие себя физиологами. Они очень хотели сделать и то, что за порогом естественной чувствительности, предметом физиологии. И столь в этом преуспели, что научное мнение до сих пор на их стороне. С такими напористыми захватчиками не хочется спорить, им проще уступить. И это мудро, но не имеет никакого отношения к истине. Ушинский всего лишь расставляет вещи по местам.

Вслед за физиологами он принимает, что порогов, в сущности, два:

«Этот психо-физический порог Фехнера двоякого рода: один можно назвать общим, другой местным» (Там же).

Это Фехнер, скромно потупив глазки, называет порог местным и общим, чтобы сохранялось ощущение, что речь идет все о том же физиологическом пороге. Ушинский уже заявил, что задача не решается, если не видеть, что воспринимающих существ два. Но он пока идет вслед за Фехнером и прямо в его теорию внимания как бодрствования:

«При общем пробуждении и засыпании, – говорит он далее, – происходит вообще временной переход всей психо-физической деятельности из-под порога (сон) на верх порога (бодрствование). При частном пробуждении и засыпании (то есть при внимании и рассеянности) происходит только местная перемена между поднятием психо-физической деятельности над порогом в одном месте и понижением ее под порог в другом» (Там же).

Я плохо понимаю это мутное рассуждение Фехнера, зато хорошо вижу то, что хочет показать Ушинский:

«Таким образом, Фехнер видит в рассеянности частный (местный) сон, а во сне – общее понижение психо-физической деятельности ниже уровня сознания (разве в сновидениях сознание не действует?)».

Но, спрашивается: кто же этот он, передвигающий вершину психо-физической деятельности, то поднимающий, то опускающий ее по произволу, то рассеивающий, то сосредотачивающий, если сам человек ничто иное, как эта психо-физическая деятельность?

Во всем этом описании процесса внимания видно, что тут не один деятель, а два борца, и что скованное Фехтером слово психо-физический приходится разорвать на два психический и физический: сознание и нервный организм» (Там же. С. 208).

Глава 4. Внешняя сторона внимания

В сущности, Ушинский, используя наблюдения предшественников, создает описание изучаемого явления, то есть внимания. Сначала он описывает те проявления, которые называет внешними. Возможно, деление на внешнюю и внутреннюю стороны в отношении внимания и не совсем верно. Скорее, речь идет о внимании и об управлении им. Тем не менее завершу описание.

Посвятив предварительную часть исследования доказательству того, что внимание не относится к физиологии нервной деятельности, Ушинский разбирает еще несколько ярких черт внимания, которыми так или иначе занимался каждый, кто о нем задумывался. В сущности, это вопросы о природе внимания.

«На вопрос, может ли внимание наше быть обращено одновременно на различные впечатления, отвечают различно. Вундт, например, говорит прямо, что мы не можем сознавать разом более одного впечатления. Мюллер думает, что внимание не может заниматься разом большим числом впечатлений: – если много впечатлений является в одно и то же время, то ясность их уменьшается пропорционально их множеству. Фехнер не дает решительного

ответа: впрочем, он скорее готов признать, что внимание может разделяться» (Ушинский. С. 209).

Сам Ушинский заявляет свое отношение с полной определенностью:

«Заметим, однако, что если бы внимание не могло обращаться разом на несколько впечатлений, то не было бы возможности перехода от одного впечатления к другим: наше внимание не могло бы быть отвлечено от предмета другим сильнейшим впечатлением» (Там же).

В этом утверждении Ушинского есть некая очевидность: если внимание может переходить на новый предмет, значит, этот предмет должен для него как-то существовать ко времени перехода. Более того, ушедший из внимания предмет тоже как бы помнится, и мы можем себя заставить себя вернуться к нему. Он как бы не совсем исчез из внимания.

Все это, как бы ни казалось возможным, не более, чем слабости умозрительной, рассудочной психологии, к которой относилась и психология сознания. А Ушинский явно считает внимание свойством сознания, как вы помните. Определение предмета исследования, которое делает ученый вначале, становится основанием всех его рассуждений. Ушинский в самом начале уже знал, что *«сознание проявляется в различных душевных процессах... в процессе внимания, памяти, воображения и рассудка» (С. 200)*. Это определение не завершает исследования; оно не плод усилий, оно – исходная уверенность, которая и доказывается всеми последующими построениями.

А значит, это не поиск истины, а доказательство своей правоты. Этим болели все психологи той поры, впрочем, как и всех времен. Можно назвать это болезнью очевидностей. Если нечто очевидно, оно становится символом веры и не подвергается сомнению. Для Ушинского очевидно, что внимание входит в сознание, потому что без внимания невозможно сознание. И это действительно так.

Но что такое сознание? Если сознание – сознание, тогда внимание не просто участвует в нем, оно, в сущности, и есть сознание, по крайней мере, один из «процессов сознания». И это задает вполне определенное рассуждение. Но если задуматься и вернуться к наблюдениям? Да и ходить-то далеко не надо, достаточно вспомнить исходное определение: сознание проявляется во внимании и памяти. А что такое память? Разве не образы? А могут ли образы жить в потоке внимания или сознания? Для образов нужна среда, имеющая объем и пространственность. Даже не буду сейчас обращаться к тому, как сам Ушинский определяет память, – противоречие уже налицо, и его достаточно для сомнения.

Если понимать сознание как сознание, картина действительности будет искажена. А как понимает его Ушинский, когда задается вопросом о том, может ли внимание быть обращено на различные впечатления?

Я оборвал его рассказ о том, что думал об этом Фехнер. В действительности он завершается так:

«Фехнер не дает решительного; впрочем он скорее готов признать, что внимание может разделяться, но при этом думает, что, чем более предметов входит разом в наше сознание, тем каждый из них обнимается сознанием слабее» (Там же. С. 209).

Именно из этого рассуждения о сознании Ушинский и переходит к разговору о внимании, которое просто должно мочь *«обращаться разом на несколько впечатлений»*. Очевидно, что для Ушинского одно вытекает из другого.

Иначе говоря, его внимание – это то же сознание, точнее сознание, раз оно «обращается» на что-то. Отсюда и недоумение по поводу возможности перехода на новое впечатление или отвлечения от предмета другим впечатлением.

Что же за ловушка скрывается за всем этим? Всего лишь двойное понятие о сознании. Вся психология сознания вслед за Декартом понимала сознание как когито, то есть поток мысли или познания, направленный на что-то, например на самого себя. Это, в сущности, и есть сознание. Но это не есть сознание, потому что помимо сознания мы еще и помним,

рассуждаем, думаем и воображаем. Ушинский сам говорит о памяти, рассудке и воображении как процессах сознания, входящих в него вместе со вниманием. Говорит, но не задумывается, что это значит и что они делают. А мы задумаемся.

Что такое сознание и чем оно отличается от сознания? Почему-то русский язык различает эти два слова, а это значит, что за ними стоят различающиеся понятия. И если верить нашему языку, то сознание – это нечто со знанием, своего рода среда, хранящая знания. А сознание – действие со знаниями, вероятно, творящее их или превращающее нечто в знания или использующее знания. Но для использования знаний есть другие имена – это думать, рассуждать, мыслить. Да и прямое наблюдение над собой говорит, что сознать – это делать некое усилие, которое приращивает количество или качество знаний.

Старая психология вообще страдала недоверием к наблюдению и предпочитала логику, то есть рассуждение. А мы можем развивать искусство наблюдения.

Сознание позволяет превратить воспринимаемое впечатление в знания. Но знания (мы все это испытывали) теряются, если не уметь их хранить. Поэтому знания надо превратить в образ. Для этого служит воображение. А затем уложить в правильное место, откуда его можно легко и быстро извлечь, – это память. А извлекать его нужно тогда, когда это потребовалось. А когда оно требуется? Когда появляется соответствующая задача. Значит, это делает разум...

Вот что такое сознание в самом общем виде. Так оно устроено и так работает. Восприятие, сознание, воображение, память, разум, рассудок, мышление – все это его части или орудия. Все, кроме внимания!

Внимание просто не нужно, а значит, и невозможно внутри этого устройства. Тут все есть и все самодостаточно. Природа излишеств не терпит. Дублирующая система отмирает, чтобы не ухудшать работу основной. Но внимание не отмирает, но и не подменяет сознание. Более того, без внимания сознание невозможно. Чтобы сознание поняло то, с чем столкнулось и извлекло из него знания, необходимо, чтобы внимание удерживало его на этом предмете. Но это совсем не просто.

Что же касается возражения Ушинского о том, что внимание может разделяться и обращаться сразу на несколько предметов, поскольку иначе необъяснима *«возможность перехода от одного впечатления к другим»*, он ведет речь не о внимании. Он говорит о сознании как свойстве сознания.

Любой, имеющий опыт работы со вниманием, замечал, когда пытался удержать его на чем-то одном, что стоит только на миг зазеваться и твое внимание уже рассматривает что-то другое. И тогда оно уже точно не рассматривает первое. Надо делать усилие и возвращать его. Рассуждения тут не нужны, достаточно наблюдения: внимание может удерживать только один предмет. А переходы и возможность отвлечься обеспечивается сознанием, которое хранит и образы и впечатления.

Сознание – это среда, подобная воздуху или воде. Оно вещественно и потому может хранить следы, то есть отпечатки. Поэтому и возможно возвращение внимания ко всему, что есть в сознании, как и возможность отвлечься или просто перейти к другому.

Психология не должна быть умозрительной, хотя она должна быть созерцательной. Умозрение необходимо лишь затем, чтобы проверить точность рассуждений исследователя. В остальном необходимо овладеть искусством самонаблюдения.

Глава 5. Впечатления или следы впечатлений?

Что, собственно говоря, является предметом внимания? На что оно может быть направлено и к чему приложимо? Жизненный опыт говорит: да на что угодно! Мы можем сделать предметом внимания хоть точку на стене. Однако так ли это?

Ушинский постоянно говорит о впечатлениях, на которые направляется внимание. И это очень важная подсказка: внимание – не рука, оно не может дотянуться до вещей внешнего мира, оно принадлежит к миру внутреннему и соприкасается с вещами, окружающими нас, через органы нашего телесного восприятия. А это значит, что внимание имеет дело не с вещами, а с впечатлениями от них, полученными через органы восприятия в наше сознание.

Поэтому стоит исходно внести определенность в свое понятие о внимании: оно не восприятие, хотя восприятие без него и не работает. И второе: внимание не может помочь преодолеть естественный порог чувствительности, зато его отсутствие колоссально снижает эту чувствительность. Ушинский показывает это на примере собранности внимания.

«Если при отсутствии внимания ощущение становится невозможным, а при рассеянности внимания слабым, то, и наоборот, при сосредоточенности внимания усиливается и само ощущение.»

“Поразительно влияние внимания на различение слабых звуков, – говорит Мюллер, – слабые шумы, сопровождающие звуки струн и других инструментов, проходят обыкновенно незамеченными, но внимание может сделать их столь ясными, они нас поражают”.

В противоположность этому Фехнер говорит, что сосредоточение внимания не усиливает впечатления. Конечно, впечатление не усиливается; но ощущение этого впечатления непременно усиливается» (Ушинский. С. 210).

Сосредоточение внимания не может вывести работу органов восприятия за предел их возможностей. Но обычно мы не вычерпываем и крошечной доли этих возможностей. И, думаю мне, в отношении восприятия мы также далеки от исчерпания своих возможностей, как и в отношении ума.

Кстати, и думать мы по-настоящему не научились, в первую очередь потому, что не умеем использовать внимание. Но чтобы это стало очевидным, надо понять, как работает внимание.

«Отношение нашего внимания к настоящим впечатлениям точно такое же, как и к следам бывших впечатлений. “Если, – говорит Фехнер, – мы хотим представить себе виденный нами предмет в воспоминании, то ощущаем такое же напряжение внимания, как и тогда, когда хотим рассмотреть предмет нам предстоящий”. В органе чувств, к которому имеет отношение представленный нами образ, мы испытываем то же утомление, какое испытывается в нем и при прямом действии предмета”». (Там же)

Иначе говоря, если мы вспоминаем какое-то событие, ярко его переживая, наши уши и в переживании слушают, а глаза смотрят, как если бы это была настоящая жизнь. Кто-то во мне рассматривает то, что я для него добываю с помощью моих телесных возможностей и ума. И ему все равно, что рассматривать: действительный предмет, как он воспринимается с помощью органов чувств, или образы этого предмета, хранящиеся в сознании.

Но еще важнее, что ему все равно, на что направлять внимание: и впечатления, поступающие от органов чувств, и образы моей памяти, и образы, с помощью которых думает разум, для него совершенно одной природы – это все отражение мира, созданное сознанием.

«Наблюдение это совершенно верно и очень объяснимо, так как, представляя воображаемый предмет, мы заставляем работать наши нервы, как они работали при принятии впечатления от того же предмета. Следовательно, все, что мы говорим об отношении внимания к впечатлениям, применимо и к отношению внимания к следам впечатлений» (Там же. С. 210–211)

Да, это первое и очевидное: вниманию все равно, на что быть направленным – на впечатления из внешнего мира или на образы, составляющие мир внутренний. Не менее очевидно и то, что это столь же безразлично и для того, кто направляет внимание, – для его хозяина. Поэтому люди способны уходить в миры грез, сбегая от внешнего мира с помощью искусства, наркотиков или сумасшествий.

Но не менее важно и то, что тело тоже всецело предано этому хозяину внимания и охотно принимается обслуживать его желания с помощью своей нервной системы. Оно напрягает органы чувств, чтобы слышать и видеть происходящее в воспоминании. Оно даже утомляется от этой работы...

Такое впечатление, что будь тело способно, оно бы бросило свой телесный мир и перешло в иное, духовное состояние, лишь бы быть со своим хозяином и обслуживать его желания всем, на что способно.

Глава 6. Внутренняя сторона внимания

Как я уже рассказывал, Ушинский ввел деление внимания на внешнюю и внутреннюю стороны, которое не кажется мне обоснованным. Точнее, мне не кажутся верными эти названия, хотя внимание определенно можно описывать с разных сторон. Судите сами:

«До сих пор мы говорили только о внешней стороне внимания; теперь следует обратиться к его внутренней стороне, и задать себе вопрос: к чему мы особенно внимательны и к чему невнимательны?» (Ушинский. С. 211)

Этот вопрос еще надо понять, поскольку для каждого он решается по-разному. Иными словами, у каждого свои личные причины быть к чему-то внимательным. Ушинский же в данном случае не совсем самостоятелен – он следует за теми предпочтениями, что были у физиологов и психологов, а те очень хотели найти физиологические объяснения и подобных вещей. Поэтому он начинает с пересказа чужих взглядов:

«Мы более внимательны, – говорит теория Бенеке, – когда к новому впечатлению приливают в большом количестве следы однородные, которые мы уже имеем» (Там же)

О чем идет речь? Эти «следы» могут быть либо образами, либо впечатлениями, еще не ставшими образами. Поскольку речь идет о «притекающих следах», вероятно, прямо в этот миг происходит восприятие, то есть поступают впечатления.

Впечатления не хранятся в сознании. Они существуют какое-то время, а затем уходят, растворяются. Следовательно, Бенеке говорит либо о том, что восприятие должно идти достаточно долго, чтобы захватить внимание, либо оно должно дополнять что-то, что мы уже знаем.

Ушинский, похоже, лучше меня понимает Бенеке, поэтому он с ним частично соглашается:

«Однако же мы не можем отвергнуть верности замечания, что “степень внимания усиливается массой притекающих следов”, только видим в этом не единственную, а одну из причин возбуждения внимания; другие же причины находятся как в силе самого впечатления, так и в произвольной сосредоточенности внимания» (Там же).

Из этого высказывания Ушинского ясно, что речь шла о произвольном внимании, и шла она именно физиологически, как до этого физиологически искался «порог сознания». Похоже, Ушинский просто не рассмотрел, что этот тот же самый прием, когда физиолог пытается чисто механически описать, что же правит вниманием, и находит, что это количество телесных возбуждений, в данном случае – «следов», которые ни что иное, как количество нервных раздражений, идущих от рецептора.

При этом Ушинский и прав: если какой-то из органов восприятия постоянно воспринимает нечто, внимание рано или поздно обратится на него. Однако это очень внешнее воздействие, оставляющее вопрос: а почему именно оно привлекает внимание? Ведь в предыдущих разделах Ушинский сам говорил, что сила воздействия может быть очень большой, а мы его не замечаем.

Количество «следов» не может иметь значения, если нет чего-то гораздо более внутреннего, чем физиология. Причина произвольного внимания не может быть снаружи тела, она должна быть внутри. Поясню: ребенок может настороженно и со вниманием следить за дви-

жениями ящерики, сидя сам под корпусом трансформаторной подстанции. При этом ящерица захватывает его внимание, внушая опасения, а трансформатор – нет. Почему? Потому что он не знает, что трансформатор опасен.

Знания о том, на что обращать внимание, идут изнутри. И если мы об этом задумаемся, то совершим некие обобщения, возможно, до философского уровня. Во всяком случае, наш народ их совершил. Мазыки утверждали, что наш разум, сталкиваясь с новым, всегда занят тремя великими вопросами выживания: опасно – не опасно? Съедобно – не съедобно? И полезно – не полезно? Именно они будят внимание.

Ушинский тоже поднимается до больших обобщений, говоря о непроизвольном внимании:

«Количество притекающих следов того же рода (но не совершенно подобных) есть одна из главнейших причин, обуславливающих степень внимания. Каждый на себе испытывает, что душа наша особенно чутка к тому, что ее интересует» (Там же. С. 211–212).

К сожалению, далее он вслед за Бенеке скатывается к механическому накоплению все тех же «следов», не определяя, что это такое. Определение в данном случае чрезвычайно необходимо, поскольку Бенеке явно путается в собственных понятиях. И если исходно его следы явно соотносились с впечатлениями, то постепенно они начинают охватывать и содержание душевной жизни. Иными словами, «следы», о которых пойдет речь далее, это уже не те же следы, что и в начале.

В современных переводах это выражение Бенеке пытаются переводить как задатки, однако и этот перевод не покрывает всех значений, вкладывавшихся немецким философом в использованное им слово. Похоже, Бенеке таким образом попытался создать некий «сквозной» кирпичик, пронизывающий всю психологическую жизнь человека насквозь. Ушинского же очаровало то, что Бенеке говорит про душу. Итак:

«...душа наша особенно чутка к тому, что ее интересует; а интересует ее всегда то, что может возбудить в ней большее число следов и тем дать ей обширнейшее поприще деятельности. “Не один какой-нибудь след, – говорит Бенеке, – но вся связь следов (целое души), стремящихся к сознанию, условливает силу внимания”» (Там же. С. 211–212)

Целое души – вот что хотел сохранить Ушинский. Именно ради него он продирался сквозь сложности немецкого философского языка. И именно ему посвящает дальнейшее исследование, переходя к прикладным упражнениям и собственно воспитанию.

Глава 7. Целое души

По сути, Ушинский продолжает с помощью своих предшественников создавать описание исследуемого явления, то есть внимания. Поэтому он разворачивает понятие «Целое души», созданное Бенеке.

«Внимание, – говорит он далее, – не находится изолированно в душе: склонности всякого рода (а склонность, по Бенеке, также образуются из следов) могут ослаблять или напрягать его, и в этом отношении внимание находится в тесной связи с моральною стороною человека» (Ушинский. С. 212).

Далее Бенеке бредит на тему хорошего внимания, то есть внимания направленного в хорошую сторону, которое называет «первою добродетелью детства». Немецкая идеалистическая философия вообще плохо различала действительность души от желательного для добропорядочного немца. Это ярко показал Кант, когда нес чушь про внимание в своей «Антропологии». Ушинский цепляется в этом бессмысленном облаке за возможность воспитания и образования, опуская всю заумь. Исходным основанием собственного рассуждения он берет слова Бенеке: *«Наблюдая, к чему особенно внимательно дитя, вы можете вывести довольно верное заключение об истории его души»*. (Там же)

Как видите, все «следы» куда-то пропадают, и остается нечто вполне понятное и доступное: история души хранит в себе склонности человека, что, очевидно, должно означать, что в душе накапливаются интересы, то есть желания и мечты, и склонности, которые приходят в нее исторически. Это утверждение вряд ли до конца верно, уже потому, что эти склонности могут жить не в душе, а в сознании. Вопрос о том, что именно хранит историю души, не прояснен. Как не прояснено и само понятие «история души». По крайней мере, должно быть точно определено, идет ли речь о том, как душа являет себя, или о том, как накапливается культура.

Тем не менее очевидно, что именно это содержание сознания, в котором душа являла себя, пока оно складывалось в личность, и управляет вниманием. Более того, если внимание пробуждается при виде чего-то, у этого интереса есть причина, скрывающаяся в сознании человека. Это значит, что внимание, точнее то, как происходит управление им, вполне может быть одним из орудий самопознания или изучения человека. Итак, Бенеке:

«Наблюдая, к чему особенно внимательно дитя, вы можете вывести довольно верное заключение об истории его души».

Эта заметка Бенеке совершенно верна и применима не к одним детям. Если вы хотите узнать направление и взрослого человека, то присмотритесь и прислушайтесь со стороны, к чему он особенно внимателен.

Рассказывая что-нибудь в обществе и присматриваясь, в какой стороне рассказа оказался внимателен тот или другой из слушателей, можно вывести более верное заключение о степени развития и направлении каждого, чем наблюдая, что они говорят сами» (Там же. С. 212).

Это любопытное упражнение, хотя оба мыслителя утопичны, полагая, что оно возможно. Они оба весьма переоценивают действительные возможности подобного исследования. И не в том смысле, что внимание не отражает внутренних склонностей человека или его предпочтений. Как раз наоборот. Все происходит именно так. Но объем того, что привлекает внимание, а значит, и объем внутренних причин для направления внимания, столь велик, что упражнение это оказывается невозможным. По сути же, оно просто очень плохо описано. Схвачен лишь исходный принцип, некое прозрение: направленность внимания соответствует внутренним склонностям человека. А значит, наблюдая за работой его внимания, мы можем понять, чем он живет, или чем живет его душа.

На деле же это лишь допущение, выведенное Бенеке, а за ним Ушинским, из вполне бытового наблюдения, которое действительно доступно любому: чем занимается человек, то для него и важно. А значит, по делам и поступкам человека можно судить и о его склонностях и о направленности его внимания, поскольку оно всегда присутствует в том, чем мы заняты.

Но это не значит, что это упражнение бесполезно и его нельзя использовать. Оно прекрасно работает при самопознании. То есть в мире больших скоростей. В чем слабость этого упражнения в быту? В том, что видя, что ребенок или взрослый направил внимание, ты должен делать предположения и умозаключения. Во-первых, даже то, что он направил внимание на что-то – лишь твое предположение, в котором ты можешь ошибаться. Как при рассказе, который, как кажется Ушинскому, вызвал внимание человека. Рассказ мог быть лишь поводом для воспоминания или соображения, которые и заняли внимание.

Во-вторых, даже точно определив, что именно приковало внимание, ты еще должен догадываться и выяснять, почему внимание обратилось именно сюда. И что именно в этом важно для человека. Все эти умозрительные построения составляли самую суть того, чем гордился в себе психолог той поры: он по одному взгляду на человека прозревал его до самых корней!

Но в действительности и упражнение это и вся умозрительная психология строились на корнях, подобной знаменитой фразе без запятой: «Казнить нельзя помиловать». Все приблизительно верно в умствованиях философа или психолога, вот только результаты несовместимы с жизнью.

Зато как упражнение самопознания этот прием великолепен, поскольку у нас есть тот, кому не надо умничать, поскольку он знает действительные ответы. Это ты сам. А кто еще знает, действительно ли что-то привлекло твое внимание, действительно ли его привлек именно этот рассказ, и какая именно часть рассказа привлекла.

Но и это не все: если какая-то часть рассказа привлекла, то ты в силах найти и то, почему это для тебя важно. А если сам не в силах пробраться до глубин своего сознания, то тут-то и приходит время психолога-профессионала. Психолог вовсе не обязан за человека гадать, что у него за склонности, но он обязан уметь помогать находить любые источники этих склонностей в человеческом сознании.

И если психолог составит тексты на жизненно важные темы, связанные с какой-то задачей, то эти тексты либо будут приниматься целиком и с полным вниманием, либо будут вызывать сопротивление в определенных местах, которое отвлекло внимание. И тогда изучающий себя с их помощью человек может отметить все сбои восприятия, а затем задаться вопросами, почему что-то отвлекало его внимание и мешало принять главное?

Так начинается работа над собой. Она начинается с самопознания. Но найдя причину и устранив ее, очистив свое сознание, мы переходим в самосовершенствование. Это и есть суть прикладной психологии, а когда-то было тем, что называлось философией. Но это было в те времена, когда философия была прикладной, то есть образом жизни.

Глава 8. Образование внимания

Ушинский продолжает следовать за Бенеке, который был последователем Гербарта и потому уделял большое внимание педагогике. Естественно, Ушинский не мог игнорировать эту школу. Это не значит, что он – последователь Бенеке или Гербарта. Он весьма критичен и берет лишь то, что можно назвать описанием явления, да и то если оно сделано верно, на его взгляд.

Однако этот прием имеет и свои недостатки, в частности, если Бенеке не слишком хорошо обосновывает какое-то действие, то это обоснование отсутствует и у того, кто за ним следует. Поэтому некоторые темы в изложении Ушинского возникают как бы внезапно. Например, тема образования внимания:

«Но если наблюдение над вниманием важно, как средство познакомиться с содержанием души питомца, то еще важнее прямое влияние воспитателя на образование внимания в воспитаннике.

Понятно, что там, где уже положено прочное основание хорошему вниманию, остается только продолжать расширять сеть душевных ассоциаций в том же направлении; но что делать там, где приходится полагать первые следы или, что еще труднее, бороться с дурными задатками, положенными прежде? В ответе на этот вопрос очерчиваются дурные и хорошие стороны бенековской теории души, как ассоциации следов» (Ушинский. С. 213).

Что такое образование внимания? И почему оно важно? То, что его считал важным немецкий идеалист и последователь эмпирической психологии Бенеке, не имеет никакого значения. Немец той поры нисколько не сомневается, что из ребенка надо делать послушную машинку, встроенную в государственную систему. Почему это может быть важно для нас?

Ответов нет. Их придется извлекать прямо из рассуждений об образовании. И я не могу заранее предположить ничего определенного, поскольку боюсь, что даже само внимание понимаю совсем не так, как Бенеке. Но приму одно: детей надо учить управлять своим вниманием.

Итак:

«В этих случаях, – говорит Бенеке, – обыкновенное прибегают или к усилению внешних впечатлений или к возбуждению мотивов, посторонних предмету внимания: “ребенку обещают

то или другое, если он действительно займется духовно тем, чем его хотят занять, или угрожают ему наказанием и проч.»» (Там же).

Если взглянуть, то Бенеке весьма поверхностно проскакивает заявленную тему образования внимания и в действительности говорит об использовании внимания для образования ребенка. Из приемов же воздействия, заставляющих ребенка управлять своим вниманием, он поминает лишь кнут и пряник, ни на шаг не уходя от того, что было найдено в древности. Да и то вопрос, было ли оно найдено или лишь принято в качестве приема, поскольку составляет самую ткань бытия человека!

Что такое награда, которую обещают, и наказание, которым угрожают? Это выражение закона бытия, лежащего в основании и жизни и разума. Все живые существа стремятся прочь от боли к мягкому, любящему, сытому и теплomu. Старые русские мазыки называли это Лучом райского возвращения. Они любили образные выражения и игру смыслов и считали, что мы живем в поисках утерянного рая, а наши предпочтения указывают нам путь Домой...

Разум тоже всегда решает задачи выживания именно так, чтобы избежать боли или наказания и привести к желанному. В силу этого и внимание нацелено на то, чтобы выхватывать из потока восприятия именно эти полярные вещи: то, что угрожает болью и разрушением, и то, что обещает жизнь, сытость, радость и наслаждения.

Выдать это за открытие своей педагогической школы, конечно, можно, но было бы достойней просто описать это как данность человеческого существования вообще и всеобщее основание работы внимания в частности.

Бенеке как-то сильно путает дальше восприятие его теории с помощью своих знаменитых «следов», как будто хочет их замести. Поэтому пересказывать его трудно. Ушинский эту слабину не упускает:

«Просим читателя обратить внимание, как в этом месте нерешителен язык Бенеке, обыкновенно столь догматический: эти беспрестанные “почти”, “по большей части”, “разве”, показывают, что здесь психологическая его теория столкнулась с неумолимой действительностью» (Там же. С. 213–214).

И далее он постепенно от умозрительных допущений немецкого философствования переходит к построению своей педагогической психологии. Сначала он показывает, что Бенеке, как и многие другие кабинетные ученые, прибегают к темноте и неопределенности языка, чтобы скрыть, что их теория не работает. Если бы он постарался быть последовательным, ему бы пришлось «расстаться с ролью педагога». А этого Бенеке не хотел.

Поэтому он говорил мудрено и непонятно:

«...произошло ли уже ложное образование внимания или нет, давай дитяти решительное направление на предмет. Только следы, остающиеся от сильного восприятия предмета, могут увеличить внутреннюю силу внимания» (Там же. С. 214).

Это странное утверждение вызывает у Ушинского множество совершенно естественных вопросов:

«Однако что же значит дать дитяти решительное направление на предмет? Как же дать его, если ни усиление впечатления, ни посторонние мотивы не достигают этой цели, как говорит сам Бенеке выше? <...> И зачем ему эти посторонние мотивы, когда у него есть прямое средство действовать на установление хорошего внимания в детях? Зачем он не уяснил нам этого прямого и единственного полезного средства? Затем, что, вникнув в это педагогический вопрос, Бенеке был бы должен подкопать самое основание своей психологической теории и теории своего учителя Гербарта; затем, что, не признавая души, независимой от следов впечатлений и обладающей способностью сознания и произвола, мы не можем объяснить себе произвола в направлении нашего внимания; а не признав этого произвола, признав всю душу за ассоциацию следов, которые тянут за собою другие следы того же рода и т. д., мы уничтожаем всякую возможность произвольного воспитания души» (Там же. С. 215).

При всей своей философичности, Бенеке имел совершенно механические взгляды на устройство человеческой души, почему и избрал объяснять ее движения с помощью английского ассоцианизма и эмпирической психологии.

Психология, если ее не упрощать, не делать удобной для психолога, а видеть как познание действительной души человека, совсем не так проста в употреблении, как хотелось бы академическим ученым. Она предполагает прикладную работу. Да что там прикладная работа! Она предполагает работу над собой!

О, это задача! Гораздо сложнее, чем писать заумные и никому непонятные статьи, переполненные магическими словами из птичьего языка.

Настоящая психология должна работать! Как и настоящая педагогика. А работать наука может лишь тогда, когда она описывает действительность. И наоборот: если наука не работает, значит, она не настоящая и не о действительности!

Ушинский совершенно верно высказывается относительно всех подобных кабинетных психологий и педагогик:

«Разве мы не можем каждую минуту проверить справедливость этого опытом?» (Там же. С. 217).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.